

Киш Тибор Ноэ***Непредсказуемый пейзаж (фрагмент)***

Мне нравится смотреть на реку. Просто наблюдать, как она течёт, забирая с собой прошлое и вынося на поверхность воспоминания.

Миссионеров режут, потрошат и готовят индейские племена Амазонии. В прошлом бесчеловечность была основой религии, вот почему в древних ритуалах столько жутких элементов: сдирание кожи заживо, сожжение, каннибализм.

Иногда мы с Имре сидим в библиотеке и читаем друг другу отрывки из своих любимых книг.

Охотники за головами также расправляются со своими врагами, после чего готовят отрубленную голову в кастрюле, пока она не сожмётся и не станет размером с кулак. А перед этим зашивают глаза и рот, чтобы душа врага не смогла освободиться.

У меня трещит голова. Есть что-то успокаивающее в разговорах с самим собой: не ожидаешь противоречий в мыслях, споров. Имре читает, поднимая палец вверх. Мне нравится этот сарказм, сочувственное молчание, и я уже давно ничего не рассказывал ему о Софи. Я ни с кем не могу говорить об этом. Лучше сам себе рот зашью!

Розовая таблетка помогает, я проглатываю ее и запиваю водой. Это я зря, ведь вода из-под крана в здешнем районе почти токсичная (в ней полно свинца), я видел карту на Facebook-е. Я пользуюсь несколькими страницами с картами, такими как Terrible Mapset. В округе Чонград количество солнечных часов совпадает с Неаполем, в Боготе столько же людей, сколько в Венгрии, и континенты можно обвести по кругу, соединяя, чтобы в итоге получилась кошка, играющая с Австралией, как с клубком пряжи. Вот, что можно узнать из карт. Я собирал их, но в конце концов принёс в библиотеку. В одном из шкафов стоят две коробки из-под бананов – в них лежит уйма моих вещей: дипломы, награды, памятные медали. Учитель года в школе, в

округе, на континенте, на собачьих бегах – разные слёзные почести, оставшиеся после учебных олимпиад.

Я всё ещё поддерживаю связь с некоторыми студентами. Один из них делает баннеры в интернете, у другого – приют для собак, а третий пишет стихи. Нынешние люди даже читать не умеют, не говоря уже о том, чтобы писать стихотворения.

В это время Имре достаёт другую книгу – Генриха Бёлля, к примеру. Спрашивает: «Тебе нравится?» Я отвечаю, что нравится.

Мы с Имре знакомы с колледжа и знаем друг о друге больше, чем следует, но тем не менее не всё. В восемьдесят втором мы сбили герб Красной Звезды со школьной стены и с тех пор никому об этом не рассказывали. Когда нам было по семнадцать, мы чувствовали себя по-настоящему живыми, а сейчас я просто массирую висок. Эти таблетки бесполезны. У меня онемела голова.

Тсантса, или цанца – так они называют высушенные человеческие головы. Вот откуда взялось слово «зана»¹, если вы не знали. Имре закрывает Бёлля.

Этот вечер в проведу так: буду идти через железнодорожную линию ВНЕV², подсчитывая киоски (их пятьдесят), магазины электротоваров, автомагазины, солярии. Я отправлюсь в больничную столовую, чтобы купить горячий бутерброд, потому что вчера я покупал гамбургер. Алюминиевый прилавок, за которым я ем, потемнел и стал тёмно-коричневым от грязи, накопившейся здесь за десятилетия. Когда я жую, моя голова качается и раскалывается, как будто в ней находится квадратный ящик, углы которого толкают мой череп изнутри.

В коридоре старые машины с красными, вибрирующими светодиодными лампочками. Второй этаж, двести седьмая палата, картины на стенах, отпечаток лапы медведя, злой краб, хулахуп, телефонная будка.

¹ Зана (занни) – наркотические вещества в таблетках.

² ВНЕV – система из четырёх местных железнодорожных линий в Венгрии, соединяющих центр Будапешта с пригородами.

Моя голова раскалывается от звуков – гудения машин, лязга створок лифта, скрипа кроватей, стульев и столов, резиновые вставки которых давно стёрлись. Я даже слышу, как фотографии, висящие на стене, покачиваются от порывов ветра. Играет тихая музыка Доры. Она звучит постоянно. Я скопировал её с флешки. *Может быть, ты вернёшься, если я назову тебя по имени.* Мы с Анной сделали кое-какие запись в файле `doranak.mp3`: возможно наши голоса и эти мелодии помогут. Барабаны создают тихий пульсирующий ритм, медсестры передвигаются по палате мягкими шагами, их никто не слышит, но они повсюду, долго хихикают за стойкой для регистрации.

Появляется дежурный врач. Он помешивает свой кофе, медсестры лопаются от нетерпения. Доктор рассказывает несколько анекдотов о замужней блондинке. Хорошо, что Дора спит, не видя и не слыша этого. Просто падает лекарство в капельнице, свистит аппарат. Она дышит: её грудь поднимается, опускается, поднимается...

Мне нужна таблетка от головной боли. У старухи на соседней кровати сегодня вечером снова нет посетителей. С каждым днём она становится всё меньше, сжимается, как враги воинов хиваро.

После того как голова как следует высохнет, индейцы привязывают её к тонкому ремню и вешают себе на шею. Волосы индейцев остаются на месте, длинные чёрные, они развеваются на груди у охотников за головами. Может быть, они щекочутся так же, как я щекотал Дору. Сколько раз я думал о том, чтобы залезть под одеяло, найти её ноги и пощекотать на случай, если она проснется, как раньше. Чёрт возьми, очнись!

Воздух становится холоднее, лицо Имре дрожит, последние осенние мухи пролетают между кушетками. Я открываю окно, но они продолжают кружить.

Я не знаю, что могу сделать. Я не знаю, как помочь. Никто ничего не знает. Они просто смотрят на меня благочестивыми глазами, шепчутся за моей спиной, понижают голоса. От консультанта всё ещё нет ответа, они не перезванивают мне из реабилитационного центра. Я схожу с ума от

постоянного писка, жужжания. Я не могу найти адрес – адрес её матери, потому что у её матери нет адреса. Она живёт в коммуне на Гавайях, где всегда 25 градусов, и едят кускус с булгуром и бананами и говорят о просветлении и мире. Она иногда посылает письма своей дочери, лежащей в больнице со старухами, страдающими деменцией, с хрипящими лёгкими, пневмонией, без сознания, и я не знаю, встанет ли она когда-нибудь с этой грёбаной кровати.